

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(363.4)

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.87-99

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ЕДЫ И ПИЩЕВЫХ РИТУАЛОВ В ЭПОХУ МЕРОВИНГОВ (ПО СОЧИНЕНИЯМ ВЕНАНЦИЯ ФОРТУНАТА, ПОСВЯЩЕННЫМ СЯТОЙ РАДЕГУНДЕ)

Н.Ю. Бикеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В настоящей статье рассмотрены значение и функции еды и пищевых ритуалов во Франкском государстве Меровингов второй половины VI в. В качестве источников были использованы сочинения одного из самых значительных писателей этого периода – Венанция Фортуната, которые он посвятил королеве-монахине Радегунде из Пуатье. В житии св. Радегунды и обращенных к ней стихах часто упоминаются еда и различные ритуалы, связанные с ней. В статье показано, что совместные трапезы, ограничения в принятии пищи, угощения, дарения и раздача еды представляли важные стороны социального взаимодействия в меровингской Галлии. Отмечается, что с помощью трапез и раздачи пищи укреплялись узы церкви с мирянами, формировались новые связи между религиозной и политической сферами. Благодаря щедрости и личному аскетизму возрасстал авторитет Радегунды. Пищевые ритуалы стали частью повседневных практик системы патроната, что способствовало ее адаптации к нуждам формирующегося средневекового христианского общества. Наконец, участие в общей трапезе и обмен дарами, среди которых еда занимала важное место, давали возможность наладить более доверительные отношения, укрепляло дружеские узы между людьми.

Ключевые слова: Радегунда, Венанций Фортунат, меровингская Галлия, раннее средневековье, аскетизм, патронат, трапеза, посты, раздача еды, обмен дарами

Венанций Фортунат – один из самых известных авторов VI в., эпохи, которую называют и поздней Античностью, и ранним Средневековьем, и Темными веками. Не случайно он традиционно считается «последним поэтом Античности и первым поэтом Средневековья» [1, с. 18]. Составитель его биографии христианский писатель VIII в. Павел Диякон называл Венанция Фортуната «ником не превзойденным автором стихов»¹ (P.D. II.13, с. 74).

Жизнь и творчество этого «латинского поэта меровингской Галлии» [2] не случайно привлекает внимание современных исследователей [2–7]. Венанций Фортунат написал много различных сочинений – литургических гимнов, житий святых, писем и большое количество панегириков и стихотворений. Среди них есть стихи личного характера, не предназначенные для широкой публики [1, с. 16]. Часть из них (около 55 стихотворений) посвящена известной святой меровингской эпохи – королеве-монахине Радегунде [8, 9].

¹ “nulli poetarum secundus” (P.D. II.13, p. 80).

Родившись в 30-х гг. VI в. на северо-востоке Апеннинского полуострова – территории бывшей западной части Римской империи, Венанций Фортунат в середине VI в. обучался в риторических школах Равенны [2, р. 18–34; 3, р. 51–54]. В 565 г. он отправился на север в Галлию [1, с. 9–11; 10, с. 17]. В качестве поэта и автора панегириков он в течение двух лет побывал при дворах разных франкских королей, а затем окончательно обосновался в г. Пуатье, где прожил более 30 лет и скончался в начале VII в. В последние годы жизни поэт получил сан епископа Пиктавийского. В этом городе в 567 г. он познакомился с Радегундой, бывшей супругой франкского короля Хлотаря I, к тому времени основавшей в Пуатье женский монастырь и поселившейся в нем. Фортунат остался жить в Пуатье при монастыре королевы-монахини в качестве ее духовника и доверенного лица [3, р. 60–63]. Она поручила ему управление мирскими делами своей обители [1, с. 9–11; 11]. После смерти королевы-монахини Фортунат написал ее первое житие. Кроме того, он посвятил Радегунде небольшие стихотворения, которые не часто привлекали внимание историков, изучавших в основном его агиографические сочинения и панегирики королям. Среди исследователей эпохи Меровингов пока преобладает тенденция рассматривать отдельные стихи поэта, а не интегрировать его взгляд на жизнь людей в этот период в общую картину социокультурной истории франкских королевств VI–VII вв. Однако эти стихи могут быть любопытны для тех, кого интересует история повседневности и другие аспекты социальной жизни позднеантичного общества. При чтении стихов Венанция Фортуната обращает на себя внимание частотность упоминания наименований пищи и различных ритуалов, связанных с ней.

Но и в житии св. Радегунды пище также уделено большое внимание. Уже в первых главах, рассказывая о детстве своей героини, автор сообщает, что она организовала подобие Тайной вечери с раздачей детям еды, собранной со стола, и церемониальным омовением их рук (F. 2, р. 365; Ф. 2, с. 189).

Когда агиограф повествует о жизни Радегунды при дворе ее супруга короля Хлотаря I, он обращает внимание на то, что она раздавала милостыню бедным и делала богатые подношения разным монастырям, приобретая все большую известность благодаря своей щедрости. Во время королевских пиров Радегунда под разными предлогами покидала пирующих, чтобы молиться и раздавать пищу беднякам, собиравшимся у дверей (F. 4, р. 366; Ф. 2, с. 190–191). Здесь Фортунат переводит мотив милосердия из плоскости социальной благотворительности в русло обсуждения социальных практик, характерных для правителя. К их числу относится щедрость в дарениях. По мнению Б. Эфрос, обеспечивая нищих едой, Радегунда не только спасала бедняков и калек от смерти, но и включала их в христианскую общину, становясь при этом их покровительницей [12, р. 51].

В следующих главах Фортунат описывает жизнь Радегунды в монастыре. Там она продолжала заботиться о бедняках и больных, кормила и поила их: *«Затем внесли три подноса, наполненные вкусной едой, поставили их перед ними, и Радегунда, сама не евшая в то время, пока они угощались, была внимательна к гостям и резала им хлеб и мясо и подкладывала каждому. Ослабевшим и слепым она сама предлагала пищу, кормила их с ложки... и, словно новая Марфа, хлопотала до тех пор, пока братья, напившись и наевшись, не становились радостными. И когда она вышла помыть руки, она была полностью удовлетворена тем, как прошла трапеза. И если кто-то роптал, она просила, чтобы они продолжали сидеть за столом, до тех пор, пока не захотят встать из-за него»* (F. 17, р. 370; Ф. 17, с. 195–196).

Фортунат подчеркивает, что при этом сама Радегунда отказывала себе во многом: «...она наспех перекусывала только чечевицей или зелеными овощами, ибо она не принимала в пищу ни птицы, ни рыбы, ни фруктов, ни яиц. Она ела ржаной или ячменный хлеб, который она прятала под пирогом, чтобы никто не заметил, что она ела. Она не пила даже мультума и грушевого сидра, но лишь небольшим количеством воды утоляла жажду» (F. 21, p. 371; Ф. 21, с. 197).

Описывая соблюдение Радегундой поста, Венанций Фортунат перечисляет те немногие продукты, которые она позволяла себе употреблять в пищу: «В первый раз она затворилась в своей келье во время Великого поста, и до тех пор, пока не завершилось ее уединение, не ела хлеб, разве лишь в воскресенье, а только корни травы или зелень мальвы без капли масла или соли. Поскольку в течение всего поста святая выпила только два секстария воды², она так страдала от жажды, что едва могла читать молитвы из-за сухости в горле» (F. 22, p. 371–372; Ф. 22, с. 197).

Таким образом, в житии королевы-монахини Венанций Фортунат создал образ крайне аскетичной женщины, щедро одевающей едой других. Однако стихотворения, посвященные Радегунде, во многом контрастируют с содержанием его агиографического творчества. Если в житии св. Радегунды Фортунат подчеркивает и превозносит ее аскетизм, то в стихах он выражает беспокойство на этот счет и старается отговорить Радегунду от крайностей воздержания. Он взывает к авторитету св. Павла, который в послании к св. Тимофею советовал заботиться о себе³:

*...Мы действительно молим, коль тем не наносим обиды,
Мать благородная, двух да успокоишь детей.
Не чреволюбье тебя, но дело к вину принуждает:
Ведь изнуренно нутро сим укрепляют питьем.
Павел так Тимофею, труба языкам едина,
пить повелел вино, чтобы желудок сберечь.*

(F.C. XI.4, p. 259; Ф.С.1 XI.4, с. 169)

Известно 55 стихотворений, посвященных королеве-монахине и ее духовной дочери Агнессе, первой аббатисе женского монастыря в Пуатье. Это значительно больше, чем он посвятил кому-либо другому. Даже своему другу, епископу Григорию Турскому, поэт написал чуть более 30 стихов.

В этих стихотворных посланиях Фортунат прославляет изысканные и сытные кушанья, которыми потчевали его Радегунда и Агнесса. В кн. VIII и XI своих “Carmina” (стихотворений) Венанций Фортунат с удовольствием описывает обмен кулинарными дарами между ним и его любимыми «сестрами».

Обмен дарами – повторяющаяся тема в литературе этого периода, часто связанная с мотивом гостеприимства и заботы о других. Как указывает А.Я. Гуревич, «...в отличие от торговли, в основе которой лежало движение материальных ценностей, обмен дарами представлял собой в высшей степени существенный срез социальных связей, включая и определенные эмоциональные, религиозные и

² То есть немногим больше одного литра воды. Секстариум – в Древнем Риме единица объема, соответствующая 0.547 л.

³ «Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых недугов» (1Тим. 5:23).

даже магические аспекты. ...Дары способствовали установлению и поддержанию дружбы и побратимства между отдельными лицами или семьями...» [13, с. 129]. Поэт, связанный близкими дружественными отношениями с Радегундой, не мог не обратиться к теме даров, как, например, в следующем стихотворении:

*Эту корзиночку я из ивовых прутьев, поверьте,
Сплел, дорогие мои мать и благая сестра.
В ней деревенские в дар подношу теперь из деревни
Вам я каштанов плоды вкусные, с дерева сняв.*

(Ф.С. XI.13, р. 264; Ф.С.2 XI.13, с. 376)

Поэт подчеркивает, что корзинка сплетена им самим, а плоды в ней деревенские как в буквальном смысле (потому что они из его деревни), так и в переносном (поскольку это только маленькие каштаны, они просты и непритязательны). Однако, несмотря на скромность подарка, Венанций Фортунат отмечает, что каштаны, которые он предлагает, собраны прямо с деревьев и принесены в дар с любовью и чистым сердцем.

Хотя это так называемые «стихи на случай» [1, с. 15], автор очень внимательно относится к их написанию. И ему удается просто и в то же время изящно показать, как выглядят на столе кушанья и напитки, посуда и утварь. Поэт «задействует» различные органы чувств читателя, описывая консистенцию и вкус блюд, их цвет, сочность, аромат и т. д. Видно, что автор сам наслаждается едой и физически, и духовно. Подобное наслаждение даруют ему королева-монахиня Радегунда и аббатиса Агнесса. Это читается между строк в стихотворении, посвященном последней по случаю ее дня рождения:

*Не обратить к госпоже звучаний сладостных речи,
Хоть утолением ей слышать беседу твою.
Я испытал, что себе отказали сегодня вы в пище,
Точно вместо вас голод явился ко мне.*

(Ф.С. XI.5, р. 260; Ф.С.1 XI.5, с. 170)

Поэт проводит здесь параллель между пищей и словами, подчеркивая, что Агнесса постится, воздерживаясь от еды и речей: слова насыщают душу точно так же, как пища является питанием тела. Для автора важно насытить и тело, и дух, и именно это и делают две женщины, не только посылая ему кулинарные дары, но и с любовью заботясь о своем брате:

*Мне больше всех трапéза сестер добра оказала:
Пищей сытишь ты их, нежишь вниманьем меня.
Как, благородством лучась, стороны примиряешь ты обе!
Дух оживляешь во мне, их насыщая едой.
Члены яство крепит, а душу любовь утоляет:
Ты, в ком всех боле нужды, слаще являешься яств.
Да Всемогущий внимет и твоим благочестным молитвам,
Вечные да изольет яства в уста Он твои.*

(Ф.С. XI.8, р. 261; Ф.С.1 XI.8, с. 171–172)

В этом стихотворении Венанций Фортунат вновь сопоставляет еду и любовь. Наполнив тело кушаньями, а душу заботой, полученной от Радегунды, он хочет ответить взаимностью и в свою очередь молит Всевышнего наполнить се-стер своей безмерной божественной любовью. Таким образом, поэт испытывает удовлетворение не только от пищи, но и от общения с теми, кто ее посылает ему:

*Я, признаюсь, не знал, что был завтрак готов для больного:
Мне да удастся снискать благоволенье твое...
С вами в разлуке, посты и за трапезой я наблюдаю,
И без тебя моего глада не сытит еда.
Вместо изящнейших яств твои бы алчному речи,
И преисполнился б мой сладкой беседою дух.*

(F.C. XI.16, p. 265; Ф.С.1 XI.16, с. 175–176)

Тем самым поэт поясняет, что в отсутствие Радегунды он не может в полной мере насладиться едой и, хотя и отобедал, он словно бы постится. Пища не смогла полностью насытить его, потому что он «жаден» до сладких слов Радегунды. Венанций снова объединяет любовь и пищу. Его душа жаждет “*dulcia verba*” («сладких слов») так же, как его тело мечтает о кушаньях, предложенных ему. Поэт благодарит в стихах Радегунду за обильную и вкусную пищу и в ответ отсылает ей свои дары:

*Выслал дары я тебе – не мои, словам моим веруй:
Те, что идут к тебе, лучше твоими назвать.
Медом напитанную пищу ты всем предлагаешь,
Ты, от чьих уст сладостны мёды текут...*

(F.C. XI.12, p. 263–264; Ф.С.1 XI.12, с. 174)

При этом Венанций Фортунат, являясь лицом духовным, конечно, чувствует греховность своего чревоугодия. Он искренне признает свою вину, хотя в его раскаянии чувствуется самоирония:

*...Трапеза днешняя была неданного изобилья:
Зелень, что орошена медом, ты мне подала;
Стол обошел я не раз и не два, но три и четыре,
Хоть и один аромат мог бы насытить меня...
Это я все одолел, ненасытный чревоугодник...*

(F.C. XI.9, p. 262; Ф.С.1 XI.9, с. 172)

В следующих строках этого стихотворения с большим вкусом описаны «гора мяса», «сад из сплетенных овощей», что должно было в какой-то мере оправдать «ненасытность» поэта в глазах читателей.

В стихах, посвященных Радегунде, Венанций Фортунат перечисляет различные кушанья и продукты, которые она присылает ему в подарок. Чаще всего среди них упоминаются молоко, бобовые, яйца и масло. Эти продукты обычно были разрешены церковью в период поста, особенно яйца, которые вместе с рыбой восполняли отсутствие запретного мяса. Для поэта лучшие блюда – это “*permixta*” (F.C. XI.22a, p. 267), в которых различные продукты перемешиваются и щедро

приправляются вкуснейшими соусами. Таким образом, нельзя не заметить, что Венанций Фортунат с удивительным воодушевлением описывает жизни людей в так называемые Темные века. Р.Л. Шмараков точно подметил, что «его поэзия видит другую сторону той свирепой картины мира, которую его друг Григорий Турский рисовал, глядя из окна своих... палат» [1, с. 21]. Несмотря на монашеские уставы, предусматривавшие решительный отказ от пищи за исключением той, которая строго необходима для пропитания, Венанций восхваляет еду и удовольствие, которое она дает. Пища, таким образом, приносит радость, которой человек должен научиться наслаждаться и телом, и душой с осознанием этого и благодарностью.

Будучи посвященным в духовный сан, поэт придает большое значение духовной ценности пищи, но одновременно не может избежать ее чувственной прелести, наслаждения запахами и вкусами, которые описывает с большим вниманием к различным деталям:

*...Взяться за что мне сперва, в сладком сомнении я.
 Дар мясной несет, переполняясь, серебряное блюдо,
 Где подливы в струях овощ густейших плывет.
 Мраморный представляет поднос плоды винограда,
 Коих медвяный вкус дышит во рту у меня.
 Миска, сомкнутая кругом стеклянным, цыплятами взбухла,
 Грузом сколько тяжка тех, что лишились крыл!
 Из корзин расписных плоды стекаются многи,
 Коих насытил меня сладкоструящийся дух.
 Черный полнит горшок нам чаши блестящие млека
 И горделиво грядет, чтобы меня усладить...*

(F.C. XI.10, p. 262–263; Ф.С.1 XI.10, с. 173)

Этими строками поэт услаждает наше зрение (серебряная чаша, черный кувшин с белым молоком), вкус (овощи, плавающие в густом рагу), осязание (мраморный поднос), обоняние (аромат меда). Важное место среди упоминаемых кушаний занимает молоко, которое в стихотворениях, посвященных Радегунде, нагружено символическим значением⁴.

Неслучайно в стихотворении XI.10⁵ выражение *candida pocula lactis* («чаши ослепительно белого молока») переключается со словами *mater* («мать») и *nata* («дочь»). Автор тем самым подчеркивает, что молоко является знаком неразрывного союза между матерью и ребенком (дочерью), связано со «святой любовью».

С помощью этой же метафоры Венанций Фортунат демонстрирует узы, соединяющие поэта и его духовную сестру Агнессу, которые «вскормлены» своей «матерью» Радегундой. Подобным образом поэт упоминает молоко в шестом стихотворении кн. XI, чтобы продемонстрировать связь между ними троими:

*Мне свидетель Христос, Петра и Павла в соупстве,
 Зрит и Мария, стоя общников в круге благих,*

⁴ См., например, стихи XI.6; XI.10; XI.13; XI.14; XI.15.

⁵ *Olla nigella nimis dat candida pocula lactis.
 atque superba venit quae placitura fuit.
 Haec dominae matri famulans, haec munera natae
 iunctus amore pio tertius ipse loquar* (F.C. XI.10, p. 263).

*Что не имел для тебя иных очей я и духа,
 Как бы родною сестрой ты Татианой была,
 Как если б вместе нас Радегунда мать обоих
 Из утробы на свет чистая произвела,
 И как будто равно нас сосцы блаженной драгие
 Вскормили одной млечной струею двоих...*

(F.C. XI.6, p. 260; Ф.С.1 XI.6, с. 170)

Приведенным выше стихотворением Венанций Фортунат показывает, что его любовь к двум женщинам не имеет физического подтекста и проистекает совершенно не из плотского желания, а лишь из чистой и искренней душевной привязанности, продиктованной этим «молочным союзом». Поэт описывает свои отношения с двумя женщинами на языке духовного родства. Они – *mater* («мать») и *soror* («сестра»)⁶. Христианские авторы считали, что дружба между мужчиной и женщиной возможна только в том случае, если она его мать, дочь или сестра [14, S. 114]. Фортунат, Радегунда и Агнесса не были родственниками. Но поэт в стихах все же описывает их отношения как семейные – с Радегундой в роли матери, в то время как Венанций и Агнесса выступают в качестве ее духовных детей, вскормленных молоком (то есть любовью и заботой Радегунды). Это позволило автору стихов создать между ними особое «пространство» для дружбы и дарения подарков.

В стихах Венанция Фортуната, посвященных Радегунде и Агнессе, чувствуются нежность и любовь автора к ним. Поэту удалось передать свое отношение с помощью метафоры, в которой упоминается молоко:

*Запечатленны персты на дарах увидел я млечных
 И начерталась рука там, где снимала ты сливки.*

(F.C. XI.14, p. 264; Ф.С.1 XI.14, с. 175)

Впрочем, о молоке Венанций Фортунат не всегда пишет возвышенно или с оттенком чувственности. Иногда в его стихах присутствует ирония. В 15-м стихотворении кн. XI он сообщает, что болен (несварением желудка?) и поэтому Агнесса посылает ему вместо более изысканных блюд простое молоко, которое здесь играет роль лекарства в прямом и переносном смысле. Не случайно в последних строках этого стиха упоминается апостол Павел, который в первом Послании к коринфянам писал: «3:2 Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, 3:3 потому что вы еще плотские» (1Кор.3:2,3). В приведенном ниже контексте речь идет о том, чтобы исцелять этим напитком больные души:

*Что столь сладостно мне даруют мать с сестрою,
 Млека крепительного сколь благовременный дар,
 Апостолическим как предписано Павла ученьем,
 Душам нетвердым когда млеко давать он велит?*

(F.C. XI.15, p. 264; Ф.С.1 XI.15, с. 175)

⁶ *quam soror ex utero tu Titiana fores, / ac si uno partu mater Radegundis utrosque* (F.C. XI.6, p. 260).

Также шутливо упоминает Фортунат молоко в стихотворении, где в качестве главного героя выступает его живот:

*Разными лакомствами я наполнил свой раздутый живот.
Ем все: молоко, бобовые, яйца, масло⁷.*

(F.C. XI.22a, p. 267)

При этом, создавая образы, которые могут казаться чувственными, в действительности Фортунат остается в рамках античной литературной традиции, которая рассматривает молоко и его производные (сливки, сыр, масло) как метафору материнства и заботы о детях.

Таким образом, еда и ритуалы, связанные с принятием пищи, играют важную роль в произведениях Венанция Фортуната.

Пиры и посты, угощения, дарения и раздача еды представляют собой важные стороны социального взаимодействия в мерovingской Галлии. Хотя церковь прославляла аскетизм, в том числе в отношении еды, и осуждала чревоугодие, она не могла устранить существовавшие в VI в. римские и германские традиции, связанные с приемом пищи и напитков. Поэтому духовные лица старались с их помощью сплотить христианскую общину.

Как указывал А.Я. Гуревич, обладание богатствами (к числу которых в тот «темный» период относилась и еда) имело символическое значение и было неотделимо от власти и политического могущества через систему социальных коммуникаций. Еда и пищевые ритуалы были средством социального взаимодействия и использовались в процессе демонстративного потребления, маркируя социальный статус властных персон [13, с. 129]. Знать проявляла свое могущество и авторитет, распределяя пищу среди населения. Неслучайно на протяжении периода поздней Античности традиция раздачи пищи и соблюдения постов влиятельными персонами все больше укрепляется.

Упомянутый факт подтверждается примерами из жизни Радегунды, которая, будучи королевой, прославилась своей щедростью в раздаче еды и кормлении бедных. При этом, как видно из ее жития, составленного Фортунатом, она не только устраивала трапезы для бедных, но и угощала представителей клира и светских правителей. Тем самым, даже затворившись в своем монастыре, королева-монахиня сохраняла возможности политического и религиозного влияния вне стен своей обители. Гостеприимство и щедрость были отличительными чертами хорошей королевы, пренебрегать которыми Радегунда не собиралась. Прием пищи являлся важной частью общения с могущественными и влиятельными людьми.

Совместные обеды не всегда носили только торжественный и формальный характер. Участие в общей трапезе давало возможность наладить более доверительные отношения. Духовные лица старались включить практику совместных трапез в христианский контекст, пытаясь таким образом укрепить узы с мирянами. Через отношение к еде и пищевым ритуалам формировались новые связи между религиозной и политической сферами.

Большое значение имела практика соблюдения постов. Несмотря на то, что воздержание от пищи все еще могло представлять собой индивидуальное,

⁷ Перевод наш. – Н. Б.

частное действие, постепенно оно все больше стало отвечать общественным потребностям. Поэтому в мерovingской Галлии соблюдение поста из личного дела становится общественно значимым деянием. Одним из признаков этого является введение практики совместных публичных постов. Они играли важную роль в укреплении общей религиозности. Окончание поста сопровождалось торжественными шествиями с пением псалмов и раздачей милостыни.

Обозначенная тенденция находит отражение в агиографии рассматриваемого периода. В житиях св. Радегунды можно проследить взаимосвязь аскетизма и социальной функции пищи. Через сочетание аскетических практик с кормлением бедных и служением им святая являет свою власть. Как указывала в своем исследовании Б. Эфрос, воздержание от пищи и вина было одной из форм поведения, благодаря которой монахини достигали более высокого духовного статуса [12, р. 49].

В изучаемый период еда стала популярной разновидностью дарения. Как пишет П. Браун, «в обществе, где принадлежность к городской коммуне наиболее убедительно выражалась в терминах отношений патрон-клиент, и где раздача даров была традиционным символом этого отношения», распределение еды и милостыни означало акт не столько милосердия, сколько притязания лидеров церкви на ведущую роль в обществе [15, с. 58].

В это время публичная и частная сферы оказываются очень тесно переплетенными, а сфера власти характеризуется значительной децентрализацией; она рассредоточивается в социальном и территориальном отношении [16, с. 6]. На любом уровне, в любом секторе в описываемый период в отправлении власти принимает участие довольно большой круг людей. Складывается широчайшая система личных связей.

Поэтому для установления своего влияния среди населения церковью была воспринята система патроната, происхождение которой относится к периоду римской истории. Патронат продолжал существовать и играть важную роль и в последующий период Темных веков – эпохи перехода от Античности к Средневековью, «интеллектуальный и духовный инкубационный период Средневековья» [17, с. 75].

В VI–VII вв. в условиях, когда не было возможности полагаться на публичные институты, необходимо было искать поддержку у какого-либо могущественного человека, в том числе святого. Среди средневековых святых отчетливо выделяется группа святых правителей, среди которых были и святые женщины высокого статуса [18, р. 69–70]. Церковь и монастыри различными путями, включая систему патроната, старались проникнуть в разные структуры власти изучаемого периода. Поэтому патронат следует понимать не только как форму социальной поддержки, но и как способ осуществления власти.

Христианская церковь создала, по мнению П. Брауна, новый тип дарителей. Еще со времен Римской империи считалось, что раздача пищи была по большей части политическим деянием, а следовательно – делом влиятельных и могущественных мужчин. Однако церковь поощряла к занятию благотворительностью также и женщин [15, с. 59], побуждая их играть по отношению к бедным независимую общественную роль – раздавать милостыню, кормить, посещать и лечить больных и т. п.; это свидетельствует о том, что женщины в период V–VII вв. включаются в систему властных отношений и связей.

Еда и ритуалы, связанные с принятием пищи, имели большое значение также в личных отношениях людей того времени, установлении и поддержании дружбы. В сочинениях Венанция Фортуната прослеживается взаимосвязь покровительства и дружеских отношений. В. Эпп, изучая период V–VII вв., выделяет четыре основных формы дружбы: личные отношения, патронат, связи между королевствами и отношения со святыми [14, S. 2–6]. Исследователь определяет дружбу как политическую категорию средневековой Европы: это близость людей, связанных благосклонностью, доверием и длительным дружеским участием. Те, кто дружит, имели совместные политические цели, общие моральные обязательства [14, S. 1, 176–177].

Дружба была одним из ключевых понятий Средневековья, с помощью которых определялись социальные и политические отношения как внутри социумов, так и между государствами. С помощью этой категории с раннего Средневековья (V–VI вв.) устанавливался порядок, происходила организация власти.

В сочинениях Венанция Фортуната прослеживается взаимосвязь дружбы и патроната. Дружба – *amicicia* – всегда была одной из сторон покровительства. Патронат предполагал определенную асимметрию между патроном и клиентом, но ее можно было смягчить дружественными узами. И здесь большую роль играли ритуалы, связанные с пищей, – совместные трапезы, посты, кормления, угощения и дарения.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- F.C. – *Venantius Fortunatus*. Opera Poetica. Appendix Carminum // Monumenta Germaniae historica: Auctorum antiquissimorum: 15 t. / Ed. by F. Leo. Berlin: Weidmann, 1881. Т. 4, part 1. P. 178–200; 258–270.
- F. – *Venantius Fortunatus De Vita sanctae Radegundis Reginae* // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum: 7 t. / Ed. B. Krush. Hannover, 1888. Т. I, V. 2. P. 364–376.
- P.D. – *Paulus Diaconus*. Historia Langobardorum // Monumenta Germaniae historica: Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum, saec. VI–IX / Ed. G. Waitz. Hannover: Hahniani, 1878. P. 12–187.
- 1Кор. – Первое послание апостола Павла к Коринфянам / Библия. Синодальный перевод. URL: <https://bible.by/syn/53/1/>, свободный.
- 1Тим. – Первое послание апостола Павла к Тимофею / Библия. Синодальный перевод. URL: <https://bible.by/syn/61/1/>, свободный.
- Ф.С.1 – *Венанций Фортунат*. Избранные стихотворения / Пер. с лат., вст. статья, коммент. Р.Л. Шмаракова. М.: Водолей, 2009. 280 с.
- Ф.С.2 – *Венанций Фортунат*. Стихотворения // Памятники средневековой латинской литературы IV–VII вв. / Отв. ред. С.С. Аверинцев и М.Л. Гаспаров. М.: Наследие, 1998. С. 369–376.
- Ф. – *Венанций Фортунат*. Житие святой Радегунды / Пер. с лат., коммент. Н.Ю. Бикеевой // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. 2012. № 20. С. 188–204.
- П.Д. – *Павел Диакон*. История лангобардов / Пер. с лат. Ю.Б. Циркина. СПб.: Азбука–классика, 2008. 316 с.

Литература

1. *Шмараков Р.Л.* Фортунат // *Венанций Фортунат*. Избранные стихотворения / Пер. с лат., вст. статья, коммент. Р.Л. Шмаракова. М.: Водолей, 2009. С. 5–31.
2. *George J.W.* Venantius Fortunatus: A Latin Poet in Merovingian Gaul. Oxford: Clarendon Press, 1992. 234 p.
3. *Brennan B.* The career of Venantius Fortunatus // *Traditio*. 1985. V. 41. P. 49–78. <https://doi.org/10.1017/S0362152900006851>.
4. *Brennan B.* The image of Frankish kings in the poetry of Venantius Fortunatus // *J. Medieval Hist.* 1984. V. 10, No 1. P. 1–11. [https://doi.org/10.1016/0304-4181\(84\)90021-6](https://doi.org/10.1016/0304-4181(84)90021-6).
5. *Brennan B.* The image of the Merovingian bishop in the poetry of Venantius Fortunatus // *J. Medieval Hist.* 1992. V. 18, No 2. P. 115–139. [https://doi.org/10.1016/0304-4181\(92\)90001-F](https://doi.org/10.1016/0304-4181(92)90001-F).
6. *Roberts M.* The Humblest Sparrow: The Poetry of Venantius Fortunatus. Ann Arbor, MI: Univ. of Michigan, 2009. 376 p. <https://doi.org/10.3998/mpub.353844>.
7. *Шкаренков П.П.* История и поэзия: образы меровингских королей в сочинениях Венанция Фортуната // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2013. № 17 (118). С. 271–296.
8. *Бикеева Н.Ю.* Метаморфозы св. Радегунды: как «тюрингская принцесса» стала святой королевой и покровительницей Франции // *Патриотизм и коллаборационизм в мировой истории / Под ред. Э.В. Рунга, Е.А. Чиглинцева, Д.В. Шмелева*. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 62–71.
9. *Бикеева Н.Ю.* Образы святой Радегунды в источниках эпохи Меровингов: письма, жития, история, поэзия // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки*. 2019. Т. 161, кн. 2–3. С. 43–59. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2019.2-3.43-59>.
10. *Бородин О.Р.* Поэтическая традиция Византийской Италии VI–VII веков под воздействием социальных процессов // *Византийский временник*. Т. 58. 1998. С. 15–21.
11. *Петровский Ф.А.* Венанций Фортунат // *Памятники средневековой латинской литературы IV–VII вв.* / Отв. ред. С.С. Аверинцев и М.Л. Гаспаров. М.: Наследие, 1998. С. 367–369.
12. *Effros B.* Creating Community with Food and Drink in Merovingian Gaul. Ser.: The New Middle Ages. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2002. 174 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-62577-2>.
13. *Гуревич А.Я.* Дары. Обмен дарами // *Словарь средневековой культуры / Под общ. ред. А.Я. Гуревича*. М.: РОССПЭН, 2003. С. 129–134.
14. *Epp V.* Amicitia: zur Geschichte personaler, sozialer, politischer und Geistlicher Beziehungen im frühen Mittelalter. Reihe: Monographien zur Geschichte des Mittelalters. Bd. 44. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1999. 362 S.
15. *Браун П.* Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве. М.: РОССПЭН, 2004. 207 с.
16. *Сидоров А.И.* Организация власти во франкском королевстве в VIII–IX вв. // *Средние века*. Вып. 64. М.: Наука, 2003. С. 3–34.
17. *Ле Гофф Ж.* Крестьяне и сельское общество в литературе раннего Средневековья (V–VI века) // *Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада / Пер. с франц. С.В. Чистяковой и Н.В. Шевченко под ред. В.А. Бабинцева*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 75–84.
18. *Klaniczay G.* Holy Rulers and Blessed Princesses: Dynastic Cults in Medieval Central Europe. Pálmai E. (Trans.). Ser.: Past and Present Publications. New York, NY: Cambridge Univ. Press, 2002. 490 p.

Бикеева Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и публичной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Natalia.Bikeeva@kpfu.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 2, pp. 87–99

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.87-99

**Social Functions of Food and Food Rituals during the Merovingian Period
(from Venantius Fortunatus's Writings about St. Radegund)**

N.Yu. Bikeeva

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: Natalia.Bikeeva@kpfu.ru

Received January 20, 2024; Accepted March 20, 2024

Abstract

This article explores the role and functions of food and food rituals in the Frankish Merovingian kingdom during the second half of the 6th century based on the writings of Venantius Fortunatus, a renowned poet of that period, dedicated to the Merovingian queen and nun St. Radegund of Poitiers. His vita of St. Radegund and poems about her include numerous references to food and ceremonies associated with it. The obtained results show that shared meals, dietary restrictions, treats, gifts, and food distribution were the key aspects of social interactions in Merovingian Gaul. They not only strengthened the bonds between the church and the laity but also contributed to the formation of new ties between the religious and political domains. St. Radegund's generosity and asceticism heightened her authority. Food rituals became part of the patronage system's daily practices, thereby adapting it to the needs of the emerging medieval Christian society. It is also important that sharing meals and exchanging gifts, often food, fostered trust and promoted friendship among people.

Keywords: Radegund, Venantius Fortunatus, Merovingian Gaul, early Middle Ages, asceticism, patronage, meals, fasting, food distribution, exchange of gifts

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Shmarakov R.L. Fortunatus. In: *Venantsii Fortunat. Izbrannye stikhotvoreniya* [Venantius Fortunatus. Selected Poems]. Shmarakov R.L. (Trans.). Moscow, Vodolei, 2009, pp. 5–31. (In Russian)
2. George J.W. *Venantius Fortunatus: A Latin Poet in Merovingian Gaul*. Oxford, Clarendon Press, 1992. 234 p.
3. Brennan B. The career of Venantius Fortunatus. *Traditio*, 1985, vol. 41, pp. 49–78. <https://doi.org/10.1017/S0362152900006851>.
4. Brennan B. The image of Frankish kings in the poetry of Venantius Fortunatus. *Journal of Medieval History*, 1984, vol. 10, no. 1, pp. 1–11. [https://doi.org/10.1016/0304-4181\(84\)90021-6](https://doi.org/10.1016/0304-4181(84)90021-6).
5. Brennan B. The image of the Merovingian bishop in the poetry of Venantius Fortunatus. *Journal of Medieval History*, 1992, vol. 18, no. 2, pp. 115–139. [https://doi.org/10.1016/0304-4181\(92\)90001-F](https://doi.org/10.1016/0304-4181(92)90001-F).
6. Roberts M. *The Humblest Sparrow: The Poetry of Venantius Fortunatus*. Ann Arbor, MI, Univ. of Michigan, 2009. 376 p. <https://doi.org/10.3998/mpub.353844>.

7. Shkarenkov P.P. History and poetry: the Merovingian kings in the writings of Venantius Fortunatus. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*, 2013, no. 17 (118), pp. 271–296. (In Russian)
8. Bikeeva N.Yu. The metamorphosis of St. Radegund: How a “Thuringian princess” became the saint queen and patroness of France. In: *Patriotizm i kollaboratsionizm v mirovoi istorii* [Patriotism and Collaboration in World History]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2015, pp. 62–71. (In Russian)
9. Bikeeva N.Yu. The images of St. Radegund in the sources of the Merovingian epoch: Letters, lives, history, and poetry. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, nos. 2–3, pp. 43–59. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2019.2-3.43-59>. (In Russian)
10. Borodin O.R. Poetic tradition of Byzantine Italy in the 6th and 7th centuries under the influence of social processes. *Vizantiiskii Vremennik*, 1998, vol. 58, pp. 15–21. (In Russian)
11. Petrovskii F.A. Venantius Fortunatus. In: *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury IV–VII vv.* [Notable Works of Medieval Latin Literature from the 4th to 7th Centuries]. Averintsev S.S., Gasparov M.L. (Eds.). Moscow, Nasledie, 1998, pp. 367–369. (In Russian)
12. Effros B. *Creating Community with Food and Drink in Merovingian Gaul*. Ser: The New Middle Ages. New York, NY, Palgrave Macmillan, 2002. 174 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-62577-2>.
13. Gurevich A.Ya. Gifts. Exchange of gifts. In: *Slovar' srednevekovoi kul'tury* [Dictionary of Medieval Culture]. Gurevich A.Ya. (Ed.). Moscow, ROSSPEN, 2003, pp. 129–134. (In Russian)
14. Epp V. *Amicitia: zur Geschichte personaler, sozialer, politischer und Geistlicher Beziehungen im frühen Mittelalter*. Reihe: Monographien zur Geschichte des Mittelalters. Bd. 44. Stuttgart, Anton Hiersemann, 1999. 362 S. (In German)
15. Bown P. *Kul't svyatykh. Ego stanovlenie i rol' v latinskom khristianstve* [The Cult of the Saints: Its Rise and Function in Latin Christianity]. Moscow, ROSSPEN, 2004. 207 p. (In Russian)
16. Sidorov A.I. Power structure in the Frankish kingdom during the 8th and 9th centuries. In: *Srednie veka* [Middle Ages]. Vol. 64. Moscow, Nauka, 2003, pp. 3–34. (In Russian)
17. Le Goff J. Peasants and the rural world in the literature of the early Middle Ages (5th to 6th centuries). In: Le Goff J. *Drugoe Srednevekov'e: Vremya, trud i kul'tura Zapada* [The Other Middle Ages: Time, Work, and Culture of the West]. Chistyakova S.V., Shevchenko N.V. (Trans.). Babintsev V.A. (Ed.). Yekaterinburg, Izd. Ural. Univ., 2000, pp. 75–84. (In Russian)
18. Klaniczay G. *Holy Rulers and Blessed Princesses: Dynastic Cults in Medieval Central Europe*. Pálmai E. (Trans.). Ser.: Past and Present Publications. New York, NY, Cambridge Univ. Press, 2002. 490 p.

Для цитирования: Бикеева Н.Ю. Социальные функции еды и пищевых ритуалов в эпоху Меровингов (по сочинениям Венанция Фортуната, посвященным святой Радегунде) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 87–99. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.87-99>.

For citation: Bikeeva N.Yu. Social functions of food and food rituals during the Merovingian period (from Venantius Fortunatus's writings about St. Radegund). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 87–99. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.87-99>. (In Russian)